

Николай Александрович Бердяев

Царство духа и царство Кесаря

Избранное

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 101
ББК 87

Николай Александрович Бердяев

Царство духа и царство Кесаря: Избранное / Николай Александрович Бердяев – М.: Книга по Требованию, 2011. – 100 с.

ISBN 978-5-458-03622-1

Николай Александрович Бердяев - русский философ-идеалист, еще при жизни ставший одним из наиболее популярных русских мыслителей, широко известным не только в России, но и в Западной Европе. В простой и ясной форме он выразил главные тенденции русской философии, зародившиеся в творчестве Чаадаева, славянофилов и Достоевского. В работах Николая Бердяева получило наиболее адекватное и полное выражение своеобразие русской философской традиции.

ISBN 978-5-458-03622-1

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011
© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Бердяев Николай
Из книги 'Царство духа и
царство Кесаря'

Н.А.Бердяев

из книги ЦАРСТВО ДУХА И ЦАРСТВО КЕСАРЯ

ЦАРСТВО ДУХА И ЦАРСТВО КЕСАРЯ

Гносеологическое введение. БОРЬБА ЗА ИСТИНУ

Мы живем в эпоху, когда истину не любят и ее не ищут. Истина все более заменяется пользой и интересом, волей к могуществу. Нелюбовь к истине определяется не только нигилистическим или скептическим к ней отношением, но и подменой ее какой-либо верой и догматическим учением, во имя которого допускается ложь, которую считают не злом, а благом. Равнодушие к истине уже и ранее определялось догматической верой, не допускавшей свободного поиска истины. Наука развивалась в европейском мире как свободное исследование и поиск истины, независимо от ее выгодности и полезности. Но потом и наука стала превращаться в орудие антирелигиозных догматических учений, напр. марксизма, или технической мощи. Если наша эпоха отличается исключительной лживостью, то ложь эта особенная. Утверждается ложь как священный долг во имя высших целей. Зло оправдывается во имя добра. Это, конечно, не ново. История всегда любила оправдывать зло для своих высших целей (хитрость разума у Гегеля). Но в наше время это приняло огромные размеры. Философски довольно новым является то, что пошатнулась самая идея истины. Правда, предшественниками в этом отрицании истины были древние софисты. Но они быстро были побиты Платоном, Аристотелем, Плотином, т.е. на вершинах греческой мысли. Взгляды эмпириков и позитивистов на истину были противоречивы и неопределенны, но, в сущности, они так же признавали ее несомненность, как и противоположные философские направления, для которых истина была абсолютной. Сомнение в старом понимании истины началось в pragmatической философии, но она не отличалась радикализмом и имела преходящее значение. Гораздо более глубокое значение имеет потрясение истины у Маркса и Ницше, хотя это потрясение произошло у них в противоположных направлениях. У Маркса утверждается исторический релятивизм истины как орудия борьбы классов на почве диалектики, взятой у Гегеля. Диалектическая ложь, широко практикуемая марксистами на практике, оправдывается диалектическим материализмом, который, в глубоком противоречии со своими философскими основами, признается наконец открытой абсолютной истиной. И к этой открытой марксистами истине существует догматическое отношение, напоминающее отношение католической церкви к своей догматической истине. Но марксистская философия,

которая есть философия *praxis*¹, признает истину орудием борьбы революционного пролетариата, у которого истина иная, чем у классов буржуазных, даже когда речь идет об истинах наук о природе. Ницше понял истину как выражение борьбы за волю к могуществу, как творимую ценность, истина подчиняется созданию расы сверхчеловека. Иррациональная философия жизни, в сущности, истиной не интересуется, но в этой философии есть доля истины, той истины, что познание есть функция жизни. Более интересная экзистенциальная философия, чреватая будущим, склонна утверждать не старое объективированное понимание истины, а субъективно-экзистенциальное. Но это не означает отрицания истины. У Киркегардта в субъективном и индивидуальном открывается абсолютная истина. Новейшие течения экзистенциальной философии очень противоречивы в отношении к истине. Гейдеггер, которого нельзя признать экзистенциальным философом, в своей брошюре, посвященной проблеме истины, склоняется к онтологическому и объективному пониманию истины. Но это классическое понимание истины выражено в новой терминологии и носит своеобразный и более утонченный характер. В конце концов непонятно, почему человек (*Dasein*) может у него познавать истину. Опора истины на свободу противоречит онтологическому пониманию истины, при котором центр тяжести лежит в открывающемся сущем. В отличие от других экзистенциалистов, Гейдеггер держится за старое понимание истины, но по-новому выраженное. В широких философских наивных кругах торжествуют релятивизм и историзм, в которых есть доля правды по сравнению со старым статическим пониманием истины, но есть еще большая доля коренной лжи. Историзм не в состоянии понять смысл истории, ибо вообще отрицает смысл. В политике, которая в наше время играет господствующую роль, обычно говорят не об истине и лжи, не о добре и зле, а о "правости" или "левости", о "реакционности" или "революционности", хотя такого рода критерий начинает терять всякий смысл. Тот хаос, в который сейчас ввергнут мир и за ним мысль, должен был бы привести к пониманию неразрывной связи истины с существованием Логоса, смысла. Диалектика теряет всякий смысл, если нет Смысла, Логоса, который должен победить в диалектическом развитии. Вот почему диалектический материализм есть противоречие в терминах. Историческое развитие, которое порождает релятивизм, невозможно, если нет Логоса, Смысла исторического развития. Смысл этот не может заключаться в самом процессе развития. Мы увидим, что старое, статическое, объективированное понимание истины должно

и вызвало реакцию, дошедшую до отрицания истины. Но и при субъективно-экзистенциальном, динамическом понимании истины она остается вечной и получает иной смысл. В конце концов на большей глубине открывается, что Истина, целостная истина есть Бог, что истина не есть соотношение или тождество познающего, совершающего суждение субъекта и объективной реальности, объективного бытия, а есть вхождение в божественную жизнь, находящуюся по ту сторону субъекта и объекта. Научное познание обычно определяют как познание того или иного объекта. Но это определение не доходит до глубины и приспособлено к условиям нашего объективированного мира. Но в глубине и самое позитивное, точное научное познание природного мира заключает в себе отблеск Логоса.

Старая традиционная точка зрения признает объективный критерий истины. Истина почти отождествляется с объективностью. Этот объективизм в понимании истины и истинного познания свойствен совсем не только так называемому наивному реализму, который отвергается большей частью философских направлений. Преобладает все-таки понимание познания как соответствия "объективной" реальности, которая открывается. Критика Канта разрывает с такого рода объективизмом и видит истину в соответствии разума с самим собой, она определяется отношением к законам разума и согласованием мыслей между собой. Но Кант все же держится за объективизм, за общеобязательность, связанную с трансцендентальным сознанием. Понятия субъективного и объективного остаются у Канта противоречивыми и недостаточно выясненными. Неокантианство школы Виндельбанда, Риккerta и Ласка считает истину ценностью, но дает этому ложное истолкование в духе нетворческого нормативизма. Гуссерль движется в направлении объективного идеализма сознания, своеобразного платонизма, оторванного от платоновских мифов. С властью объективизма, в реалистической или идеалистической форме, порывает лишь экзистенциальная философия, хотя она и принимает разные направления и может срываться в новую форму объективизма, как, напр., у Гейдегера при освобождении от старой терминологии. Только у Киркегардта истина в субъективности и индивидуальности, но это не получает у него философского обоснования. Нужно прежде всего сказать, что истина не есть соответствие в познающем объективно данной реальности. Никто никогда не объяснил, как реальность бытия может переходить в идеальность познания. Когда я говорю, что передо мной стол, то это есть некоторая частная истина, но нет

соответствия между этим столом и моим утверждением, что это стол. Это скромное знание стола имеет прежде всего прагматическое значение. Существуют ступени познания истины, зависящие от ступеней общности людей и их общности с мировым целым. Но истина не есть также соответствие разума с самим собой и своими общеобязательными законами. Истина, которой должны быть соподчинены все частные истины, не отвлеченно-разумна, а духовна. Дух же находится по ту сторону рационализированного противоположения субъекта и объекта. Истина не есть пребывание в замкнутой мысли, в безвыходном круге сознания, она есть размыкание и раскрытие. Истина не объективна, а транссибъективна. Вершина познания есть не выход через объективацию, а выход через трансцендирование. Средне-нормальное сознание приспособлено к состоянию объективированного мира. И логическая общеобязательность познания носит характер социологический. Я не раз писал уже, что познание зависит от духовной общности людей. Для духовной общности людей высокой ступени раскрывается истина, которая есть трансцендирование объективного, вернее объективированного мира. То, что называют "бытием", не есть последняя глубина. Бытие есть уже продукт рациональной мысли, оно зависит от состояния сознания и состояния мира. Глубже бытия духовное существование, или духовная жизнь, которой принадлежит примат над бытием. Целостная истина есть не отражение или соответствие реальности мира, а торжество смысла мира. Смысл же не есть торжество логики, приспособленной к падшести мира и сдавленной логическими законами, прежде всего законом тождества. Божественный Логос торжествует над бессмыслицей объектного мира. Истина есть торжество Духа. Целостная истина есть Бог. И лучи этой целостной, божественной, логосной Истины падают и на научное, частичное познание, обращенное к данной, объектной мировой действительности. Раскрытие Истины есть творческий акт духа, человеческий творческий акт, творческий акт, преодолевающий рабство у объектного мира. Познание активно, а не пассивно. Феноменология, в сущности, требует пассивности познающего, считая активность психологизмом. Вот почему феноменологию Гуссерля нужно признать неблагоприятной для экзистенциальной философии. Признание творчески активного характера познания совсем не означает идеализма, скорее наоборот.

Познание истины есть не выработка рациональных понятий, а прежде всего оценка. Истина есть свет Логоса, возгоревшийся в самом бытии, если употреблять традиционную терминологию, или

в глубине существования или жизни. Единая целостная Истина разбивается на множество истин. Сфера, освещенная единым лучом света (отдельная наука), может отрицать источник света, Логос - Солнце, но она не могла бы получить освещения без этого единого источника света. Все познающие в разных сферах познания признают логику и ее законы, почитаемые непреложными, но могут отрицать Логос, целостный духовный Разум-Слово. Между тем как законы логики, закон тождества и закон исключения третьего, означают необходимые приспособления к условиям нашего падшего мира, дух находится в сфере, которая по ту сторону законов логики, но в Духе есть свет Логоса. Я уже много раз писал о социологическом характере логической общеобязательности и соответствии этой общеобязательности и убедительности ступеням духовной общности. Не хочу сейчас повторять сказанного. Но вот что особенно важно установить. Ни материализм, ни феноменализм (в разных типах позитивизма), ни экзистенциализм типа Гейдеггера не могут обосновать самого возникновения проблемы Истины. Сейчас особенно важен Гейдеггер. Совершенно непонятно, как человек (*Dasein*) может возвыситься над низостью мира, выйти из царства *das Man*. Для этого в человеке должно быть высшее начало, возвышающее его над данностью мира. Экзистенциалисты антирелигиозного типа так низко мыслят о человеке, так понимают его исключительно снизу, что остается непонятным самое возникновение проблемы познания, возгорание света Истины. Как бы мы ни мыслили о человеке, мы поставлены перед тем, что человек и познает свет истины и ввергается во тьму ошибок и заблуждений. Почему возможна трагедия познания, почему свет Логоса не всегда освещает познавательный путь человека как существа духовного, превышающего мир? Познание не есть только интеллектуальный процесс, в нем действуют все силы человека, волевое избрание, притяжение и отталкивание от истины. Декарт понимал зависимость ошибок от воли. Совершенно ошибочен взгляд pragmatизма, что истина есть полезное для жизни. Истина может быть вредна для устройства обыденной жизни. Христианская Истина могла быть даже очень опасна, от нее могли рухнуть все государства и цивилизации. И потому чистая истина христианства была приспособлена к обыденной человеческой жизни и искажена, было исправлено дело Христа, как говорит Великий Инквизитор у Достоевского. Если мы верим в спасительность Истины, то совсем в другом смысле. По отношению к Истине происходит разделение "божьего" и "кесарева", духа и мира. На совершенно другом конце, в точных науках о природном

мире, мы сейчас встречаемся с настоящей трагедией ученого. Физика и химия XX века делают великие открытия и приводят к головокружительным успехам техники. Но эти успехи ведут к истреблению жизни и подвергают опасности самое существование человеческой цивилизации. Таковы работы над разложением атома и изобретение атомической бомбы. Наука раскрывает если не Истину, то истины, а современный мир ввергается во все большую и большую тьму. От целостной Истины человек отпадает, и раскрывающиеся ему отдельные истины не помогают ему. При ложном делении мира на две части, которое вызывает необыкновенную лживость, научные открытия и технические изобретения представляют страшную опасность все новых и новых войн. Химики могли бескорыстно открывать истину, хотя и частную, но получилась атомическая бомба, которая грозит гибелью. Это происходит в царстве Кесаря. Спасти может только свет целостной Истины, который раскрывается в Царстве Духа.

Если мы отвергаем так называемый объективный критерий истины, и в смысле реализма наивного, и в смысле реализма рационалистического, и в смысле идеализма трансцендентально-критического, то совсем не для того, чтобы утверждать "субъективность" произвольную, "психологизм" в гуссерльском смысле слова, в противоположность глубокой реальности. Глубокая реальность раскрывается в субъективности, субъективности, стоящей вне объективации. Истина субъективна, а не объективна, она объективируется в соответствии с миром необходимости, с царством "Кесаря", в приспособлении к дробности и дурной множественности данного мира. "Субъективность", противоположная истине и глубокой реальности, "субъективность" замкнутая, неспособная к трансцендированию, к выходу из себя и есть как раз определяемость извне. Человек, закупоренный в себе, и есть существо несвободное, не определяемое глубиной, а определяемое извне мировой необходимостью, в которой все разорвано, враждебно одному другому, выпало из глубины, т.е. не духовно. Когда экзистенциалисты Гайдеггер, Сартр и др. говорят о выброшенности человека (*Dasein*) в мир и обреченности человека этому миру, то они говорят об объективации, которая делает судьбу человека безысходной, выпавшей из глубокой реальности. Об этом почти невозможно спорить, это есть дело последнего свободного избрания. Я не называю такую философию экзистенциальной, потому что она находится во власти объективности. Разница этой философии со старой классической онтологической философией в том, что она встречается с объективностью абсурдного, бессмыс-

ленного мира, в то время как первая думала, что она встречается с объективностью разума и смысла бытия. Это есть очень серьезный кризис философской мысли. Но и та и другая направленность остается во власти объективности. Объективация создает разные миры, обладающие большей или меньшей степенью реальности или призрачности. Ошибочно думать, что человечество живет в одном и том же объективном, данном извне мире. Человек живет в разных, часто фиктивных мирах, не соответствующих, если их взять в отдельности, сложной и многообразной действительности. Доля фиктивности и фантасмагоричности определяется степенью исключительной сосредоточенности на одном, вытесняющем все остальное. Универсализм в самом восприятии мира есть явление очень редкое. В разных мирах живут служители культа и теологи, учёные и изобретатели, политические деятели, социальные реформаторы и революционеры, писатели и деятели искусства, люди деловые, поглощенные хозяйством и т.д. Эти люди часто совершенно неспособны понять друг друга. Восприятие мира также зависит от верований людей и идеологических направлений, они иные у католика или марксиста, у либерала или социалиста, у материалиста или спиритуалиста и т.д. Иной также мир воспринимается в зависимости от классов, иным он представляется капиталисту, рабочему или интеллигенту. Люди чаще, чем думают, живут в царстве абстракций, фикций, мифов. Самые рациональные люди живут мифами. Самый рационализм есть один из мифов. Рациональная абстракция легко превращается в миф. Например, марксизм насыщен абстракциями, превращенными в мифы. Человеческое сознание подвижно, оно суживается или расширяется, оно сосредоточивается на одном или рассеивается. Средне-нормальное сознание есть одна из абстракций. Разум рационализма есть один из мифов. Якобы героизм и бесстрашие отказа от всякой веры в высший, духовный, божественный мир, от всяких утешений есть также один из мифов нашего времени, одно из самоутешений. Человек есть существо бессознательно хитрое и не вполне "нормальное", и он легко обманывает себя и других, более всего самого себя. Создание особенного мировоззрения, часто иллюзорного мировоззрения в зависимости от направленности сознания, имеет характер pragmatический, которого не имеет познание истинной реальности.

Русские социологи 70-х годов XIX века, критиковавшие натурализм в социальных науках, утверждали субъективный метод в социологии и этим вызывали насмешки марксистов, которые считали себя объективистами, хотя и ошибочно². Классовая точка зрения

также есть субъективный метод в социологии. Русские "субъективисты" в социологии не могли философски обосновать своей точки зрения, потому что были позитивистами, позитивизм тогда господствовал. Но в субъективном методе в социологии была несомненная правда. Более того, можно было утверждать субъективный метод в философии вообще. Экзистенциальная философия есть субъективный метод в философии, она утверждает познание мира в человеческом существовании и через человеческое существование, она антропоцентрична. И совершенно напрасно будут возражать против этого, называя это психологизмом. Психологизм остается натуралистическим направлением. Уже с большим основанием это можно назвать этицизмом, но и это не верно. Этицизм не есть цельная, интегральная точка зрения, которая духовна и судит из глубины духовности, открывающейся в человеческом существовании. Дух находится по ту сторону обычных споров субъективизма и объективизма. Оценка есть путь познания так называемых наук о духе, но эта оценка отражается на духе, а не на сферу объективации, которая существует не только в явлениях природы, но и в явлениях психических и социальных. Исторический мир или, вернее, исторические миры, которые познаются из объекта, имеют дело уже с объективацией. Подлинная философия истории, которая освобождена от объективации, мессианична и профетична, т.е. духовна. В познании духовном, глубинно экзистенциальном, раскрываются Истина и Смысл. Объективное познание знает только царство Кесаря и не знает царства Духа. Ставится острый, предельный вопрос: существует ли подлинная, не объективная, не иллюзорная и не фиктивная реальность? Она, конечно, есть, но она не "объективна", она и не "субъективна" в дурном смысле слова, она по ту сторону уже вторичного разделения и противопоставления субъекта и объекта, по индусской терминологии она есть атман и брагман. Все предполагает эту реальность, без которой мы погружены в иллюзорное царство, в фактумы "объективации", в призрачную власть объективности, что и есть субъективизм в дурном смысле слова. Мы живем в значительной степени в иллюзорном мире, "объективном", созданном ложным направлением субъекта, попавшем в рабство объектной необходимости. Все религии боролись против этого рабства и сами потом создавали новое рабство объективации. В основании философии, которая принадлежит царству Духа, а не царству Кесаря, лежит пережитый духовно-религиозный опыт, а не только опыт Киркегардта и Ницше, как хочет Ясперс. Этим я нисколько не отрицаю огромного значения Киркегардта и Ницше.